

## ГРАНИ ПОЛИТИКИ

УДК 001.18.

Н.А. Лукьянова

### ПРИЗНАКИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ

*Опираясь на анализ существующих концепций «обсуждающей» политики, автор предлагает собственное понимание признаков коммуникативных практик, определяющих смысложизненные ориентации индивидуальных и коллективных субъектов в политических отношениях. Для характеристики коммуникативных практик делиберативной политики вводятся и раскрываются такие понятия, как трансперсональность, семиотическая оформленность дискурсов, идентичность. Основная идея автора заключается в том, что разнообразные коммуникативные практики, применяемые в делиберативной политике, обладают тремя ключевыми признаками, которые подчеркивают интенсивность подобного рода взаимодействий, способствуют обнаружению и переводу коммуникационного потенциала политических отношений в актуальный коммуникативный спектр их развития.*

*Ключевые слова: делиберативная политика, коммуникации, трансперсональность, семиотическая оформленность дискурса, идентичность.*

Феномены коммуникации масштабны и чрезвычайно многообразны. Коммуникации созидают и формируют «ткань» современной общественной жизни. Практики коммуникации, а также выражающие, сопровождающие и обеспечивающие их символы становятся неотъемлемой частью общества. Важнейшая роль коммуникативных процессов проявляется в обеспечении функционирования базовых связей и отношений современного общества. В конце XX в. «гражданская общественность начинает все больше тяготеть к непарламентским формам социального и политического участия граждан» [1. С. 110], что свидетельствует о поисках возможностей сопряжения различных коммуникативных дискурсов. В социокультурной динамике обнаруживается значимость для социума таких деятельностных и поведенческих моделей, которые, в свою очередь, невозможны без коммуникации между различными субъектами общественной жизни. В такой постановке проблемы мы можем говорить о формировании так называемой модели «делиберативной» демократии – модели коммуникативного дискурса, обсуждения, аргументированных споров, форумов [1. С. 110].

Такие понятия, как «делиберативная политика» (Ю. Хабермас), «совещательная демократия» (С. Бенхабиб), «политика признания» (N. Fraser), сегодня активно используются в современных философско-политических исследованиях. Объединяют эти понятия коммуникативные стратегии, опирающиеся на принципы открытости власти, диалога и публичности. Юрген Хабермас отмечает: «Согласно республиканским воззрениям, формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере и парламенте

подчиняется не структуре рыночных процессов, но самобытной структуре публичной коммуникации, ориентированной на достижение взаимопонимания. Для политики в смысле практики гражданского самоопределения парадигмой является не рынок, а диалог» (2. С. 388). Формируется делиберативная среда, в основе которой лежит концепция спора мнений. Различные и разноплановые мнения, то, что выносятся на политическую сцену, приобретают легитимирующую силу посредством коммуникативных практик. Это коммуникативные практики публичного представления и защиты значимых общественных интересов, развития самосознания индивида, социальных сообществ, групп и общества в целом, инициирования разнообразных способов самоорганизации, вовлечения граждан в позитивную социальную практику, обеспечения активного участия граждан в проектировании индивидуального и коллективного будущего. Как отмечает Ю.М. Резник, «на социетальном уровне гражданское общество уже не является единым целым, объединяющим различные социальные движения и локальные сообщества на основе универсалистских ценностей («родовое развитие», «свобода», «эмансипация» и т.п.)» [1. С. 110]. Гражданское общество посредством коммуникативных практик определяет смысловые ориентации индивидуальных и коллективных субъектов. Коммуникативные практики имеют общественную природу. Они органично связаны с воспроизводством общественной жизни, содержанием общественных процессов, с постановкой и решением ключевых социально-культурных проблем, что задает новую направленность научных исследований. Изучение разнообразных коммуникативных практик дает возможность раскрыть механизмы, благодаря которым формируются позиции и мнения в гражданском обществе, на основе которого осуществляется конкурентная борьба между различными точками зрения и подходами к пониманию действительности.

В статье будут описаны признаки коммуникативных практик, лежащих в основе делиберативной политики. По словам А.В. Назарчука, «делиберативная политика означает особый общественно-политический курс, ориентированный на рациональное обсуждение общественных проблем и выдвигающий по отношению к институтам власти требование, чтобы все политические решения были опосредованы и легитимизированы таким обсуждением» [3. С. 101]. Гипотеза настоящей статьи непосредственно связана с тремя признаками постгражданской (постлиберальной) общественности, описанными Ю.М. Резником [1].

Итак, проблема коммуникаций в гражданском обществе, осуществляемых посредством непарламентских форм между субъектами власти и населением, обладает наивысшей актуальностью, поскольку антагонизмы, возникающие в гражданском обществе, демонстрируют очевидность тезиса о том, что сфера культуры и символического воспроизводства становится доминирующей в описании структуры властных дискурсов. Это проявляется в том, что центром конфликтов становятся не партии и формальные организации, а внеинституциональные формы (в том числе внепарламентские формы протеста). Все многообразие внеинституциональных форм обусловлено множественностью коммуникативных практик, применяемых для их создания. В настоящей статье утверждается, что все многообразные коммуникативные практики обладают следующими признаками: трансперсональностью, семиотической оформленностью дискурсов, идентичностью. Коммуникации в таком подходе рассматриваются как процесс информа-

ционно-смыслового взаимодействия в сложных социальных системах, обеспечивающих их устойчивость и воспроизводство.

Первый признак – трансперсональность – обусловлен «зависимостью коммуникативных практик власти от прозрачности намерений и действий коллективных субъектов, особенностей коллективного бессознательного, выражающегося в неосознанном (или полусознанном) стремлении быть вместе ради воплощения общезначимой идеи или реализации социального проекта» [1. С. 111]. Эта общая идея может проявляться в стремлении присоединиться, копируя ключевые признаки инаковости. Вспомним цветные балаклавы на митингах в защиту Pussy Riot. Эти маски «изначально выполняли две функции: во-первых, противопоставить себя существующей системе, а во-вторых, скрыть свою внешность с целью остаться неузнанными» [4. С. 75]. Трансперсональность является важным условием функционирования коммуникативных практик. Она выражается через ощущение комфорта при условии избегания индивидуальных решений, поиска вариантов совместного коллективного действия. Не обязательно, чтобы совпадали цели и личные интересы, важна собственно борьба, действие «во имя». «Борьба за права собственной собачонки легко трансформируется в борьбу за права собак вообще и затрагивает всех владельцев собак как потенциально заинтересованных лиц» [3. С. 100]. Трансперсональный признак коммуникативных практик описывается в терминах «событийности», «со-причастности», «со-вовлеченности» и пр. Ключевой фигурой становится коллективный субъект, создающий коммуникативное событие и множество интерпретаций вокруг него [5. С. 134–135]. Ощущение комфорта общения формирует чувство коллективной идентичности. Происходит своеобразное погружение в пространство чужих идей, ценностей и норм (погружение в мир иного опыта совместной деятельности) [1. С. 111]. Коммуникативные действия индивида можно трактовать как акт транзакции. У. Эко рассматривает понятие «транзакция» (букв. «сделка») как процесс интерпретации, в котором взаимопонимание не сводится просто к «отправлению» и «получению» сообщения. В транзакционном подходе коммуникация видится как процесс совместного создания сообщений и одновременно выражения идей и чувств, как процесс общения. В коммуникативных процессах посредством введения новых интерпретантов и новых кодов происходят смысловые сдвиги, порождаемые договоренностью, поскольку есть информационно-смысловое взаимодействие, обеспечивающее устойчивость связей внутри общества. Значение мы создаем, интерпретируя знаки, приходим к согласию относительно их употребления. И другого способа понимания, кроме как коммуникация, у нас нет, что очень точно показал У. Эко в своих опытах о переводе. Примером такого рода коммуникативных практик является политический блоггинг. Это современная коммуникативная практика делиберативной демократии, ключевым признаком которой является признак со-причастности, соучастия. В определенных условиях политические блоки работают на формирование повестки дня, что может привести к протестным действиям.

Второй признак – семиотическая оформленность дискурсов. Философские взгляды Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля лежат в основе дискурсивной эти-

ки, являющейся основой концепции делиберативной политики. «Политическое пространство является одним из фундаментальных социальных механизмов современного общества, создающих богатые возможности для дискурсов. Именно дискурсы, по мнению философов, служат медиумом, определяющим общественную коммуникацию и воспроизводящим добровольные, свободные и в то же время постоянные социальные отношения» [3. С. 100]. В современном политическом пространстве семиотическая оформленность дискурсов в значительной степени проявляется в процессах формирования символического капитала власти. Символ перестает быть личной принадлежностью отдельной политической фигуры и приобретает официальный и институционально гарантированный характер, выраженный в непарламентских формах социального и политического участия граждан в формировании «делиберативной» модели демократии. Как сказал в своем интервью депутат-единоросс Виктор Кидяев, «сейчас заметным становится тренд персонализации политики. Для избирателя важнее не партийность, а личные и профессиональные качества самого кандидата» [6]. Современное политическое пространство представлено, преимущественно, «медиатизированными личностями» как носителями специфической визуализированной политической культуры, формирующейся в современном культурном пространстве информационного общества. Тем самым в условиях развития современного информационного общества как никогда актуальна такая функция власти, как производство информационного продукта, представляемого посредством символических форм. Это находит отражение, в частности, в том, что конфигурации дискурсов власти в значительной мере становятся зависимыми от возрастающей роли знаковых структур в коммуникативных взаимодействиях. Человеческий разум функционирует символически, если некоторые компоненты его опыта (символы), согласно концепции А.Н. Уайтхеда [7], формируют сознание, устанавливая отношения к другим компонентам опыта (смысл символов). Символизм мы рассматриваем как процесс коммуникативной деятельности, процесс означивания. А символ в его широкой трактовке (в отличие от символа-знака) понимается как интеллектуальный инструмент культуры. Переход от символа к смыслу является отражением реальности в переживании субъекта, а посредством символизации мира, конструирования мира в символических формах решается проблема познаваемости мира. Символическая власть обладает способностью изменять социальную реальность, влияет на экономику, культуру и социальную сферу общества. Бурное развитие коммуникаций способствовало мгновенной трансформации абстрактного (например, предвыборные программы) в конкретное, посредством выбора фрагментов реальности и их интерпретации. В данном процессе как никогда тесно связываются семиотические и коммуникативные процессы. Взаимосвязанность данных процессов проявляется в структурных составляющих символического капитала власти: образ власти (положительный, отрицательный, нейтральный), виртуальный характер существования этого образа, опосредованный динамичный характер существования (положение между властью и массами). Преобладание визуальных элементов символического капитала власти определяется, во-первых, семиотической формой материала, во-вторых, современными технологиями

создания, интерпретации и обработки визуальных образов различных типов. Посредством современных средств коммуникации конструируется символический капитал власти в точках пересечения различных коммуникативных практик. Создание партийных брендов (имидж) является ярким тому примером. Впервые термин «политический имидж» (political image) использован английским политехнологом Грехемом Уоллесом в начале XX в. Причем часто понятия «политический имидж» и «имидж политического лидера партии» отождествляются. Например, в условиях экономического кризиса и безработицы 2008 г., продолжающейся войны в Ираке у населения США преобладают протестные настроения в сочетании с ожиданием чего-то нового, поиска фигуры, которая будет принципиально иной, отличной от Буша. Такой фигурой стал Барак Обама, а коммуникативной технологией его партии стало обещание перемен. Основным инструментом избирательной кампании Обамы стало активное использование социальных сетей. Бренд партии – это, прежде всего, люди, которые ее представляют, как отмечалось выше. Другой пример, демонстрирующий использование принципиально иной коммуникативной технологии. Единая Россия провела своеобразный ребрендинг, в партии появились новые лица, руководство местных и региональных отделений было обновлено на 30% [6].

В свете вышесказанного третий признак делиберативной политики демонстрирует причастность образу жизни конкретной группы. Следует подчеркнуть, что часто говорят о различных идентичностях человека, но это не совсем верно. Существует множество идентификаций, идентичность же – одна. Когда мы говорим об индивидуальной идентичности, мы рассматриваем отношение человека к самому себе, его становление происходит в ходе социального взаимодействия. «Коллективная же идентичность является не столько осознанием определенным сообществом людей самого себя, сколько приписываемым ему извне определенным значением. В структуре идентичности принято выделять два уровня – индивидуальный и социальный. Индивидуальный уровень – это набор персональных характеристик, делающих данного индивида уникальным. Социальный уровень связан с идентификацией индивида с нормами и ожиданиями социальной среды, в которую он погружен» [8. С. 84–85]. Такая идентичность не имеет границ. Говоря об идентичности, необходимо, прежде всего, говорить об идентификации. Проблема идентификации и идентичности всегда связана с проблемой возможности существования единого, последовательного Я человека, сочетающего различные Я-образы. Она может быть локальной и глобальной по своему масштабу. В социально-политических процессах это проявляется особенно наглядно. Н.Г. Осояну отмечает, что можно говорить о существовании таких форм идентичности, как экономическая, историческая, правовая, геополитическая, языковая, этническая и пр. Она приводит пример, наглядно демонстрирующий, как проявляется идентичность в политических коммуникативных практиках: «Интересным примером комбинированного воздействия экономической и геополитической идентичности на права человека может послужить история принятия «Закона об обеспечении равенства» в Республике Молдова, представляющего собой реализацию одного из основных требований ЕС». Тот факт, что часть его положений направлена на защиту сексуальных меньшинств, вызвал настоящую лавину социальных протестов, политических акций и публичных заявлений» [9. С. 242]. Именно идентифика-

ция, в современных условиях переизбытка Я-образов, является ключевым процессом определения индивидом самого себя, процессом построения идентичности. Представляется, что изобилие Я-образов способствует формированию более полной и многогранной идентичности.

Как известно, в социальных системах недемократических ориентаций практика публичных дебатов и открытых дискуссий настолько ограничена, что сами социальные субъекты, граждане, не имеющие опыта непосредственного участия в демократических преобразованиях, зачастую не осознают преобразующую силу дискурса и мало верят в силу индивидуальных речевых воздействий – заявлений, запросов, выступлений, полемических обсуждений, публичных высказываний. В современном политическом пространстве делиберативный дискурс приобретает все большее значение, и это признается всеми участниками политических процессов. Эти процессы тесно связаны с коммуникациями, которые являются социально образующими и преобразующими, и в зависимости от того, насколько участники, субъекты этих процессов «коммуникативно оснащены», зависит эффективность этих процессов.

Нами описаны признаки, характеризующие коммуникативные практики делиберативной политики. Первый признак репрезентирует такую особенность коллективного бессознательного, как стремление быть вместе ради воплощения общезначимой идеи. Второй признак формулируется на основе понятия «символический капитал власти», как понятия, лежащего в основании формирования культурных ценностей в гражданском обществе. В таком понимании любое политическое событие перестает восприниматься как личное, а приобретает официальный и институционально гарантированный характер, выраженный в непарламентских формах социального и политического участия, что в современной социокультурной ситуации предлагает вызов идентичности человека, адекватно ответив на который, он может развивать свои разносторонние способности и формировать более многогранный взгляд на мир. Это третий признак коммуникативных практик делиберативной политики.

Общественный дискурс не столь давно стал предметом обсуждения в рамках теории коммуникации. Признаки коммуникативных практик «обсуждающей политики», описанные выше, подчеркивают интенсивность подобного рода взаимодействий, способствуют обнаружению и переводу коммуникационного потенциала политических отношений в актуальный коммуникативный спектр их развития, что важно для понимания трансформации политического пространства.

#### *Литература*

1. Резник Ю.М. В поисках новой гражданской общественности // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – № 6, т. 320. – С. 106–112.
2. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
3. Назарчук А.В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. – 2011. – № 5. – С. 99–103.
4. Штейнман М.А. Анатомия маски протеста: коммуникативный аспект // Вестник РГГУ. Серия Политология. Социально-коммуникативные науки. – 2013. – № 1. – С. 74–85.
5. Лукьянова Н.А. Семиотическая интерпретация коммуникативных практик непарламентских форм гражданской активности // Личность, культура. Общество. – 2013. – Т. XV, вып. 2 (№78). – С. 134–135.

6. РИА НОВОСТИ Глава ЦИК ЕР: партия проводит глубокую перезагрузку [Электронный ресурс]: – URL: <http://ria.ru/interview/20131225/986349893.html> (дата обращения: 15.04.2014).
7. Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. – Томск: Водолей, 1999. – 64 с.
8. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей [Электронный ресурс] // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С.13–22 Электрон. версия печат. публ. – URL: [http://vphil.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=102&Itemid=52](http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=102&Itemid=52) (дата обращения: 10.04.2014).
9. Осояну Н.Г. Концепция идентичности и эффективные формы защиты прав человека // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». – 2013. – № 1 (102). – С. 236–447.

Nataliia A. Lukianova. Doctor of Philosophy, Docent Head of the Department of Sociology, Psychology and Law Institute of Social and Humanitarian Technologies of the National Research Tomsk Polytechnic University, Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science of the National Research Tomsk State University. E-mail [lukianova@tpu.ru](mailto:lukianova@tpu.ru)

#### ATTRIBUTE OF COMMUNICATION PRACTICES OF DELIBERATIVE POLICY

**Key words:** *deliberative politics, communication, transpersonal, semiotic structuredness of discourse, identity.*

This article describes the attributes of communicative practices underlying the of deliberative policy. The hypothesis of this article is related to the three attribute post-liberal public. This paper argues that all the diverse communication practices have the following attributes: transpersonality, semiotic structuredness of discourse, identity. The first attribute - transpersonality, caused dependence communicative practices of government transparency intentions and actions of collective actors. Transpersonality expressed through a sense of comfort provided avoidance of individual decisions, the search options for sharing of collective action. The second attribute- semiotic structuredness of discourse manifested in the formation of symbolic capital power. In this process, more than ever closely linked semiotic and communicative processes. The third attribute of deliberative politics - identity, lifestyle shows involvement of a particular group. It can be local and global in scope. Public discourse is not so long ago was the subject of discussion in the theory of communication. In this context, the analysis of communication practices from the perspective of a theory of communication is important.

#### References

1. Reznik Yu.M. In search of new civil public sphere. *Izvestiya Tomskogo politeknicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 2012, no. 6 (320), pp. 106–112. (In Russian).
2. Habermas J. *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [Involving others. Essays on political theory]. Translated from German by Yu. S. Medvedev. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001. 417 p.
3. Nazarchuk A.V. The concept of deliberative policy in modern political process. *Polis – “POLIS” Journal - Political Studies*, 2011, no. 5, pp. 99–103. (In Russian).
4. Shteynman M.A. Anatomy of protesting mask: communicative aspect. *Vestnik RGGU. Seriya Politologiya. Sotsial'no-kommunikativnye nauki – RGGU Bulletin. Series: Political Science. Social and Communicative Studies*, 2013, no. 1, pp. 74–85. (In Russian).
5. Luk'yanova N.A. Semioticheskaya interpretatsiya kommunikativnykh praktik neparlamentskikh form grazhdanskoj aktivnosti [Semiotic interpretation of the communicative practices of non-parliamentary forms of civic engagement]. *Lichnost', kul'tura. Obshchestvo*, 2013, vol. XV. Issue 2 (78), pp. 134–135.
6. RIA NOVOSTI. Glava TsIK ER: partiya provodit glubokuyu perezagruzku [RIA News. Head of the CEC “United Russia” party holds deep reboot]. Available at: <http://ria.ru/interview/20131225/986349893.html>. (Accessed: 15th April 2014).
7. Whitehead A.N. *Simvolizm, ego smysl i vozdeystvie* [Symbolism, Its Meaning and Effect]. Translated from English by S.G. Sycheva. Tomsk: Vodokey Publ., 1999. 64 p.
8. Trufanova E.O. Chelovek v labirinte identichnostey [The man in the maze of identities]. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 2, pp. 13–22. Available at: [http://vphil.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=102&Itemid=52](http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=102&Itemid=52). (Accessed: 10th April 2014).
9. Osioianu N.G. Conception of identities and effective forms of human rights protection. *Vestnik RGGU. Seriya Politologiya. Sotsial'no-kommunikativnye nauki – RGGU Bulletin. Series: Political Science. Social and Communicative Studies*, 2013, no. 1 (102), pp. 236–247. (In Russian).